

— 758 —

ОРЛОВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости,

издаваемые при Орловской Духовной Семинаріи.

I ГОДЪ.

Годовая цѣна съ пе-
ресылкою 6 р. 50 к.

№ 44.

Изданіе
еженедѣльное.

2-го ноября 1914 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМО-
ДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Пра-
вительствующаго Синода, Преосвященному Григорію,
Епископу Орловскому и Сѣвскому.**

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24 Сентября 1914 года за № 34864, о сокращеніи отпущенныхъ изъ казны кредитовъ по духовному вѣдомству въ виду обстоятельствъ военнаго времени. Приказали: Одобреннымъ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 27 іюля 1914 года закономъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію средствъ казны въ виду обстоятельствъ военнаго времени, между прочимъ, постановлено: предоста-вить Совѣту Министровъ произвести сокращеніе отпущенныхъ по государственнымъ росписямъ расходовъ на 1914 и пре-

дыдущіе годы кредитовъ, не исключая и такихъ, которые разрѣшены законами и штатными росписаніями, а также не производить расходовъ, разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ на счетъ источниковъ, не предусмотренныхъ росписаніями, если состоявшіеся о нихъ законы еще не приведены въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы списки всѣхъ сдѣланныхъ сокращеній были представлены Государственному Совѣту и Государственной Думѣ по открытіи ближайшей сессіи. Выясненіе вопроса, какіе именно состоящіе въ распоряженіи вѣдомства кредиты могли бы быть во исполненіе означеннаго закона закрыты, возложено было на образованное при Министерствѣ Финансовъ особое междуведомственное Совѣщаніе, предложенія коего за симъ были представлены Совѣту Министровъ. Согласно сему, по ВЫСОЧАЙШЕ разсмотрѣнному въ 10-й день Сентября 1914 года Особому Журналу Совѣта Министровъ, отъ 27 Августа 1914 года „о сокращеніи кредитовъ, отпущенныхъ по государственнымъ росписямъ расходовъ на 1914 и предыдущіе годы, а также кредитовъ, ассигнованныхъ за счетъ источниковъ, росписями не предусмотрѣнныхъ“, въ частности и въ отношеніи кредитовъ, состоявшихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода, установлены нижеслѣдующія сокращенія: А) По кредитамъ, включеннымъ въ финансовую смѣту Святѣйшаго Синода, на 1914 годъ: § 1 ст. 7—исключенъ условный кредитъ на содержаніе Управленія пенсіонной кассы учителей и учительницъ церковныхъ школъ 25900 руб.; § 7 ст. 1—ассигнованный по законамъ 22 іюля 1914 года кредитъ на увеличеніе содержанія духовенства въ размѣрѣ 2550000 руб., сокращенъ на 2400000 руб.; § 10 ст. 3—ассигнованный въ смѣтномъ порядкѣ кредитъ на церковно-школьно-строительныя нужды, въ размѣрѣ 1000000 руб., сокращенъ на 500000 руб.; исключенъ условный кредитъ въ пособіе пенсіонной кассы учителей и учительницъ церковныхъ школъ въ размѣрѣ—173000 руб. и сокращенъ на 429755 руб., въ виду закона 1-го іюля 1914 года, кредитъ въ размѣрѣ 624650 руб., испрашивавшійся на увеличеніе содержанія преподающимъ въ церковно-приходскихъ школахъ Астраханской, Оренбургской и Ставропольской епархій, § 11 ст. 1—ассигнованный по закону 1 іюля 1914 года кредитъ въ размѣрѣ 900000 руб.

на жалованье преподающимъ въ районахъ, въ коихъ будетъ введено всеобщее обученіе до 1915 г., сокращенъ на 100000 руб.; § 12 ст. 1—исключенъ возстановленный кредитъ въ размѣрѣ 50000 руб. на постройку зданій духовной семинаріи въ гор. Читѣ и сокращенъ на 2000 руб. нормальный строительный кредитъ (200000 руб.); § 12, ст. 2, лит. б—кредитъ, ассигнованный на постройку и ремонтъ церквей въ Западномъ и Привислинскомъ краѣ сокращенъ на ту сумму, которая къ настоящему времени можетъ оказаться не вытребованной на счетахъ Казенныхъ Палатъ западныхъ и привислинскихъ губерній; сумма эта опредѣлена приблизительно въ 200000 руб. Всего, такимъ образомъ, по смѣтѣ Святѣйшаго Синода на 1914 годъ исключено и сокращено кредитовъ на сумму 3880655 руб. Б) По кредитамъ сверхсмѣтнымъ: исключены: а) назначенный по закону 29 іюня 1914 года кредитъ на увеличеніе содержанія епархіальнымъ и уѣзднымъ наблюдателямъ на 2-е полугодіе 1914 года въ размѣрѣ 355765 руб., б) назначенный по закону 26 іюня 1914 года кредитъ на содержаніе духовной миссіи по обращенію въ православіе корейцевъ въ предѣлахъ Владивостокской епархіи на 2-е полугодіе 1914 года, въ размѣрѣ 11950 руб., в) назначенные по закону 22 іюня 1914 года на работы по изслѣдованію мозаики Кіево-Софійскаго собора 15000 руб., г) назначенные по закону 28 іюня 1914 года на церковно-строительныя нужды въ переселенческихъ приходахъ Сибири —1000000 руб., д) назначенные по закону 26 іюня 1914 года на устройство монастыря на Камчаткѣ 25000 руб., е) назначенные по закону 7 мая 1914 года на пристройку къ зданію Московской Синодальной Конторы 106630 руб.; уменьшенъ: а) назначенный по закону 28 іюня 1914 г. на содержаніе въ 1914 году Русскаго эмигрантскаго дома въ Нью-Йоркѣ кредитъ, въ размѣрѣ 15000 рублей, сокращенъ на 5000 руб.—Итого исключено и уменьшено сверхсмѣтныхъ кредитовъ на сумму 1519345 руб. Всего же по ВЫСОЧАЙШЕ разсмотрѣнному 10 сентября 1914 года Особому Журналу Совѣта Министровъ уменьшено состоявшихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода кредитовъ на сумму 5400000 Предлагая о вышеизложенномъ Святѣйшему Синоду, Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ присовокупляетъ, что, въ виду послѣдовавшаго

сокращенія кредита на увеличеніе содержанія духовенства на 2400000 руб., произведенное по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 4 іюля сего года за № 6043, распределеніе этой послѣдней суммы по епархіямъ надлежитъ считать отмѣненнымъ и что по Казеннымъ Палатамъ западныхъ и привислинскихъ губерній уже сдѣлано распоряженіе объ обращеніи въ казну состоящихъ на сихъ Палатахъ церковно-строительныхъ кредитовъ по смѣтѣ Святѣйшаго Синода 1914 года (§ 12 ст. 2 лит. б.), не вытребованныхъ до настоящаго времени Консисторіями. Обсудивъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: произведенное циркулярнымъ указомъ, отъ 10 іюля 1914 года за № 13, распределеніе 2400000 руб. на увеличеніе содержанія духовенства отмѣнить и о послѣдовавшихъ вышеуказанныхъ другихъ сокращеніяхъ кредитовъ, для должнаго руководства и распоряженій, послать Грузино-Имеритинской Конторѣ и Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярные указы, а въ Хозяйственное Управленіе, Училищный Совѣтъ и Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ передать выписки изъ сего опредѣленія. Октября 10 дня 1914 года. Подлинный указъ подписали: Оберъ-Секретарь *Ал. Ростовскій*. Секретарь *В. Крючковъ*.

На семь указѣ резолюція Преосвященнаго Григорія отъ 20 октября 1914 г., за № 7103, послѣдовала такая: *Въ Консисторію для руководства и должныхъ распоряженій. Еп. Григорій.*

Постановлено: Указъ пропечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію по епархіи.

*
*
*

Указомъ Св. Синода отъ 14 октября 1914 г. за № 16900, при п. с. Покрова, Карачевского уѣзда открыть 2-й штатъ причта, священника и псаломщика съ условіемъ, что причтъ упомянутаго села въ новомъ составѣ изъ пяти лицъ по недостаточности мѣстныхъ средствъ содержанія будетъ получать казенное жалованіе.

Епархіальныя извѣстія.

Опредѣлены, согласно прошенію, на священническія мѣста: къ ц. с. Арельска, Трубчевскаго уѣзда, окончившій курсъ семинаріи **Василій Лебедевъ**,—27 октября и къ ц. Покрова, Карачевскаго уѣзда, *діаконъ* того же села **Іоаннъ Никольскій**, 22 октября и на штатныя *діаконскія мѣста*: къ ц. с. Асовицы, Сѣвскаго уѣзда, *діаконъ* на псаломщической вакансіи ц. с. Пянова, Сѣвскаго уѣзда, **Георгій Ажищевъ**,—24 октября и къ ц. Богословскаго въ Блудовѣ, Орловскаго уѣзда, *діаконъ* на псаломщической вакансіи ц. с. **Космодамианскаго** въ Дьячьѣ, того же уѣзда **Елеазаръ Тихомировъ**,—28 октября.

Перемѣщены, согласно прошенію, *священники* ц. с.: Арельска, Трубчевскаго уѣзда, **Андрей Медвѣдевъ**—къ ц. с. Полевыхъ Новоселокъ, Сѣвскаго уѣзда, и Пятницкаго, Брянскаго уѣзда, **Аѳанасій Ненароковъ**—къ ц. с. Богородицкаго Алешанки, Трубчевскаго уѣзда,—24 октября.

Отчислены отъ исполненія псаломщическихъ обязанностей, состоящіе на испытаніи въ исполненіи таковыхъ: при ц. с. Бучнева, Карачевскаго уѣзда, **Александръ Кондаковъ**,—24 октября и при ц. с. Бочарокъ, Карачевскаго уѣзда, **Иванъ Кочергинъ**,—23 октября.

Утверждены въ должности псаломщика, состоящіе на испытаніи въ исполненіи обязанностей таковой: при ц. села Введенскаго, Ливенскаго уѣзда, **Теодоръ Ивановъ**,—22 октября, при ц. с. Лобанова, Дмитровскаго уѣзда, **Александръ Карповъ**,—20 октября и при ц. с. Подмаслова, Мценскаго у., **Григорій Кузмичевъ**,—24 октября.

Утверждены въ должности законоучителей начальныхъ училищъ *священники* ц. сель: Георгіевскаго Тросны, Орловскаго уѣзда, **Іоаннъ Цигановъ**—Городище-Михайловскаго; Быхова, Сѣвскаго уѣзда, **Дмитрій Смирновъ**—Быховскаго, Жадинскаго и Голынскаго училищъ—23 октября и *діаконъ* с. Бытоши, Брянскаго уѣзда, **Алексѣй Смоленскій** школы при дер. „Петровскій Заводъ“—21 октября.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: при Соборной г. Болхова ц. купецъ **Алексѣй Карцевъ**,—26 октября, при ц. с. Гниловодъ, Ливенскаго уѣзда, дворянинъ **Валері-**

анъ Θεодоровичъ Александровъ и при ц. с. Добрика, Сѣвскаго уѣзда, кр. Александръ Ключковъ,—25 октября.

Умеръ заштатный протоіерей ц. с. Гудаловки, Елецкаго уѣзда, Стефанъ Селиховъ,—5 октября.

Праздныя священно-церковно-служительскія мѣста.

Священническія.

1) При *Тюремной г. Мценска ц.*,—съ 28 іюня, церковь без-приходная, при ней по штату положенъ одинъ священникъ. На содержаніе его получается 150 р. отъ Уѣздн. Земства и 180 р. отъ Тюремнаго Отдѣленія въ годъ.

2) Въ с. *Пятницкомъ, Бр. у.*,—съ 24 октября, число душъ м. п. 1877, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

3) Въ с. *Казинкѣ, Ств. у.*,—съ 26 іюля, число душъ м. п. 890, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.

4) Въ с. *Екатериновкѣ, Лив. у.*,—съ 3 октября, число душъ м. п. 974, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

5) Въ с. *Глоднѣвѣ, Дм. у.*,—съ 14 октября, число душъ м. п. 2911, земли 36 д., каз. жал. 950 р. Причтъ 2 штатный.

6) Въ с. *Большомъ, Лив. у.*,—съ 27 августа, число душъ м. п. 2025, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

7) Въ с. *Алмазовѣ, Кр. у.*,—съ 14 сентября, число душъ м. п. 1704, земли 88 д., каз. жал. 800 р. Причтъ 2 штатный.

8) Въ с. *Темяничахъ, Бр. у.*,—съ 8 октября, число душъ м. п. 662, земли 49 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.

Праздныя мѣста запасныхъ священниковъ.

Въ *Болховскомъ у.*—въ градскомъ, во 2 и 3 благочин. ок.

„ *Брянскомъ*—въ 1 и 5 окр.

„ *Дмитровскомъ*—во 2 и 3 окр.

„ *Елецкомъ*—въ градскомъ, во 2 и 3 окр.

„ *Карачевскомъ*—въ 1 и 3 окр.

„ *Кромскомъ*—въ 3 округъ.

„ *Малоархангельскомъ*—во 2 округъ

- ” *Муценскомъ*—въ 1 и 2 окр.
- ” *Ливенскомъ*—во 2, 3 и 4 окр.
- ” *Орловскомъ*—въ 1 округъ.
- ” *Стъвскомъ*—въ 1, 3 и 4 округъ.
- ” *Трубчевскомъ*—въ 1 округъ.

Б) Діаконскія.

- 1) Въ с. *Вороницъ, Кромск. у.*,—съ 8 марта, число душъ м. п. 2256, земли 45 дес. Причтъ 2 штатный.
- 2) Въ с. *Васильевскомъ Синковцъ, Лив. у.*,—съ 21 марта, число душъ м. п. 826, земли 37 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 3) Въ с. *Колодезь-Куначъ, Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 1578, земли 36 д. Причтъ 3 членный.
- 4) Въ с. *Успенскомъ-Галичь, Лив. у.*,—съ 18 іюля, число душъ м. п. 1771, земли 37 д. Причтъ 3 членный.
- 5) Въ с. *Кривцовоу Плотъ, Лив. у.*,—съ 12 ноября, число душъ м. п. 985, земли 38 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 чл.
- 6) Въ с. *Волковъ, Дм. у.*,—со 2 ноября, число душъ м. п. 1371, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 7) Въ с. *Гнилой Плотъ, Мал. у.*,—съ 3 февраля, число душъ м. п. 1113, земли 33 д. Причтъ 3 членный.
- 8) Въ с. *Петропавловскомъ, Елецк. у.*,—съ 8 ноября, число душъ м. п. 1376, земли 36 дес. Причтъ 3-хъ членный.
- 9) Въ с. *Красномъ на Соснъ, Малоарх. у.*,—съ 27 января, число душъ м. п. 2237, земли 50 д. Причтъ 2 штатный.
- 10) Въ с. *Арельскъ, Трубч. у.*,—съ 7 января, число душъ м. п. 1662, земли 36 д. Причтъ 3 членный.
- 11) Въ с. *Покровъ, Кар. у.*,—съ 22 октября, число душъ м. п. 2098, земли 124 д. Причтъ 2 штатный.
- 12) Въ с. *Молодовомъ, Кар. у.*,—съ 20 іюня, число душъ м. п. 1328, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 13) Въ с. *Студенкъ, Кромск. у.*,—съ 4 іюля, число душъ м. п. 1262, земли 36 д. Причтъ 3 членный.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о прочихъ праздныхъ діаконскихъ мѣстахъ отрывшихся болѣе 6-ти мѣсяцевъ тому назадъ, можно получать въ Канцеляріи Консистеріи изъ справочной о мѣстахъ книги.

В) Псаломщическія.

- 1) Въ с. *Соломинъ*, *Дм. у.*,—съ 15 октября, число душъ м. п. 1386, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 2) Въ с. *Гниловодахъ*, *Лив. у.*,—съ 1 октября, число душъ м. п. 1212, земли 36 д., каз. жал. 550 р. Причтъ 3 членный.
- 3) При *Скорбящинской ц. Орловскихъ богоугодныхъ заведеній* (временно) съ 15 октября.
- 4) Въ с. *Пьяновъ*, *Съв. у.*,—съ 24 октября, число душъ м. п. 606, земли 31 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.
- 5) Въ с. *Космодамианскомъ въ Дьячь*, *Орл. у.*,—съ 28 октября, число душъ м. п. 1404, земли 60 д. Причтъ 3 член.
- 6) Въ *Поздняшовкѣ*, *Съв. у.*,—съ 25 октября, число душъ м. п. 1058, земли 37 д. Причтъ 2 членный.
- 7) Въ с. *Бучневъ*, *Кар. у.*,—съ 24 октября, число душъ м. п. 482, земли 33 д. каз. жал. 514 р. 50 к. Причтъ 2 чл.
- 8) Въ с. *Бочаркахъ*, *Кар. у.*,—съ 23 октября число душъ м. п. 821, земли 38 д., каз. жал. 400 р. Причтъ 2 членный.
- 9) Въ с. *Покровъ*, *Кар. у.*,—съ 14 октября, число душъ м. п. 2098, земли 124 д. Причтъ 2 штатный.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ.

Генеральный обмѣнъ свидѣтельствъ Государственной 4⁰/₀ ренты,

Въ виду истеченія 1 декабря 1914 г. срока послѣдняго купона при свидѣтельствахъ Государственной 4⁰/₀ ренты 1—270 серій, всѣ свидѣтельства означенныхъ серій, какъ выпущенныя на предъявителя, такъ и именныя, будутъ обмѣнены на новыя, съ купонами на слѣдующіе десятилѣтіе, начиная съ купона на срокъ 1 марта 1915 г.

Означенный обмѣнъ будетъ производиться въ Россіи съ соблюденіемъ достоинствъ свидѣтельствъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Свидѣтельства 4⁰/₀ ренты, съ принадлежащими къ

нимъ талонами, безъ купоновъ, будутъ принимаемы къ обмѣну съ 1 декабря 1914 г.:

А. Въ Петроградѣ: Петроградской Конторою Государственнаго Банка;

Б. Въ прочихъ городахъ Имперіи: а) Конторами и Отдѣленіями Государственнаго Банка;

б) Казначействами тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Государственнаго Банка.

2) Взаимнѣ представленныхъ свидѣтельствъ владѣльцамъ таковыхъ будутъ выдаваемы новыя свидѣтельства 4% ренты учрежденіями, принявшими свидѣтельства. Начиная же съ 1 марта 1916 г., обмѣнъ будетъ производиться исключительно въ Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ.

3) Свидѣтельства Государственной 4% ренты, находящіяся во вкладахъ на храненіе въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и Сберегательныхъ Кассахъ, а также принятыя учрежденіями Государственнаго Банка въ залоги по ссудамъ и въ обезпеченіе специальныхъ текущихъ счетовъ и находящіяся въ Казначействахъ въ специальныхъ средствахъ и въ депозитахъ, будутъ обмѣнѣны на новыя свидѣтельства самими означенными учрежденіями бесплатно, безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ и заемщиковъ.

4) Лица, проживающія въ тѣхъ городахъ и мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни учрежденій Государственнаго Банка, ни Казначействъ, имѣютъ посылать свидѣтельства 4% ренты съ талонами для обмѣна по почтѣ въ одно изъ вышеупомянутыхъ учрежденій при заявленіяхъ; расходы по обратной пересылкѣ будутъ удерживаемы изъ купона на срокъ 1 марта 1915 года.

Въ заявленіяхъ этихъ не должно быть помѣщено порученій по другимъ операціямъ.

5) Заявленія объ обмѣнѣ свидѣтельствъ Государственной 4% ренты, талоны отъ которыхъ утрачены, принимаются только Государственною Комиссіей Погашенія Долговъ.

6) Выданныя Государственною Комиссіею Погашенія Долговъ удостовѣренія именной записи на Государственную 4% ренту не подлежатъ обмѣну до истеченія сроковъ, указанныхъ на самыхъ удостовѣреніяхъ.

7) Относительно обмена свидѣтельствъ ренты за границею послѣдуетъ особое объявленіе отъ Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ.

Орловскій Епархіальный Архитекторъ,
— Гражданскій Инженеръ Б. Г. Перетятковичъ —

принимаетъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность по церковно-строительнымъ дѣламъ еженедѣльно по **вторникамъ и средамъ.**

Адресъ: Г. Орель. Садовая ул., д. № 2, доктора Христочевскаго, телефонъ № 227.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Указъ изъ Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнаго Григорія. 2. Епархіальныя извѣстія. 3. Праздныя мѣста. 4. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи
Протоіерей **В. Сахаровъ.**

ОРЛОВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

2 ноября № 44. 1914 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

Историческая миссія Россіи на Балканахъ.

Неисповѣдимой волей Всевышняго Россіи суждено до
дна испить кровавую чашу.

Нашъ вѣковой врагъ на берегахъ Босфора пожелалъ
свести съ нами послѣдніе счеты въ тотъ моментъ, когда
великая европейская борьба только что перешла кульмина-
ціонную точку своего развитія, съ явнымъ перевѣсомъ на
нашей сторонѣ. Подкупленная нѣмецкимъ золотомъ, прель-
щенная блестящей перспективой реванша, Турція ждала
лишь сигнала изъ Берлина, чтобы начать враждебныя дѣй-
ствія противъ Россіи. Этотъ сигналъ и данъ былъ тогда,
когда австрогерманскія арміи потерпѣли рѣшительное пора-
женіе и когда привлеченіе новаго союзника должно было,
по расчету враговъ нашихъ, склонить вѣсы счастья
въ ихъ сторону. Привлекши къ участию въ войнѣ Турцію,
Вильгельмъ поставилъ теперь свою послѣднюю ставку и
ставку явно безнадежную. Надо только удивляться, какъ
Турція съ истинно-восточнымъ фатализмомъ пошла навстрѣ-
чу неизбѣжному концу.

Миролюбіе Россіи было по истинѣ неисчерпаемо. Де-
сятки лѣтъ мы молча мирились съ такимъ положеніемъ,

котораго не допустила бы ни одна великая держава, тѣмъ болѣе располагающая величайшей въ мірѣ арміей и громадными матеріальными ресурсами. Турція неустанно нарушала всѣ международные договоры, которыми обезпечивались права и интересы Россіи. Мы все терпѣли и со всѣмъ мирились до тѣхъ поръ, пока турки не посягнули, наконецъ, на честь и достоинство Россіи.

Предательское нападеніе турецко-германскаго флота на наши мирные города должно было вызвать и вызвало единственно возможный отвѣтъ съ нашей стороны: Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей и вторженіе нашей арміи въ ея предѣлы.

Свершилось велѣніе высшей правды... Разбойный набѣгъ на мирные города, помимо нашей воли, положилъ конецъ невыносимому порядку вещей, по которому Турція постоянно представляла собой величайшую угрозу не только для европейскаго міра, но и для спокойнаго развитія христіанской культуры. Въ обезпеченіе будущаго европейскаго міра, помимо ликвидаціи прусскаго милитаризма, необходимо долженъ быть разрѣшенъ и знаменитый *Восточный вопросъ*,—величайшій для насъ важности, болѣе двухъ вѣковъ стоящій на пути Россіи и ждущій своего разрѣшенія.

Вѣковая защитница Православія и славянства, Россія издавна ведетъ борьбу съ гнетомъ ислама и звѣрствомъ турецкихъ башибузуковъ. Въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій 9 войнъ вела она съ Турціей, шагъ за шагомъ подвигаясь на югъ, къ теплымъ морямъ, и устилая костями своими громадный путь отъ безбрежныхъ новороссійскихъ степей до свѣжныхъ высей Балканъ. На этомъ пути цѣной обильныхъ потоковъ русской крови мы воззвали къ новой жизни четыре народа, изнывавшихъ подъ страшнымъ игомъ Турецкимъ. Здѣсь нѣтъ, кажется, мѣста, не смоченнаго драгоценной русской кровью, не оглашеннаго грохотомъ нашихъ орудій, стономъ раненыхъ, проклятьемъ побѣжденныхъ враговъ.

Но великій историческій подвигъ Россіи не былъ, однако, оцѣненъ въ должной мѣрѣ народами Европы. Зависть враговъ и недовѣріе друзей, въ связи съ стремленіемъ удер-

жать „равновѣсіе“, создавали Россіи постоянныя препятствія къ осуществленію священныхъ задачъ ея историческаго призванія. Цѣлый рядъ ея побѣдоносныхъ войнъ окупался лишь ничтожными приобрѣтеніями, да и тѣми Россія должна была дѣлиться съ своими завистниками.

Турція не разъ была на краю гибели, — не разъ и Россія была на одинъ только шагъ близка къ осуществленію своихъ освободительныхъ задачъ и своего историческаго призванія. Не разъ побѣдоносные полки наши останавливались у самыхъ стѣнъ старой Византіи, готовые прибить свой щитъ къ ея священнымъ вратамъ. Но каждый разъ грозный окрикъ со стороны нѣмецкаго Запада и угроза предательскимъ нападеніемъ съ тыла останавливали уже запесенную нами для послѣдняго удара руку.

Намъ достаточно припомнить здѣсь лишь нѣсколько такихъ моментовъ, чтобы со всею ясностью опредѣлялись священныя задачи наши, поставленныя самой исторіей.

Еще въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху Екатерининскихъ войнъ (1768—1791 г.г.) Восточный вопросъ былъ на одинъ только шагъ къ его разрѣшенію. Громкими побѣдами Румянцева и Суворова турецкая военная мощь была сокрушена окончательно, и такъ называемый „греческій проектъ“, предусматривавшій возстановленіе Византійской имперіи, казалось, долженъ былъ осуществиться. Уже намѣченъ былъ и кандидатъ на престолъ (Вел. князь Константинъ Павловичъ).

Нѣмецкая интрига тогда впервые разстроила грандіозный планъ освобожденія всѣхъ балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига. Австрія была тогда въ союзѣ съ Россіей (по особымъ соображеніямъ), но Пруссія вѣроломной политикой отвлекла часть силъ нашихъ въ Польшу и вынудила императрицу Екатерину къ раздѣлу польскихъ областей вмѣсто осуществленія „Греческаго проекта“.

Тогда Россія получила, такимъ образомъ, двойной ударъ отъ нѣмецкой интриги: 1) должна была отойти отъ Балканъ съ ничтожными результатами и 2) отдать часть славянства въ руки нѣмцевъ (Австріи и Пруссіи).

Такъ печально окончился первый рѣшительный опытъ освободительной войны на Балканахъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи нашей освободительной по-

литики противодѣйствіе намъ идетъ уже со стороны всѣхъ великихъ европейскихъ державъ. Великій подвигъ освобожденіе Европы отъ власти Наполеона исполнилъ сердца западно-европейскихъ народовъ не благодарностью къ Россіи, а завистью и страхомъ предъ ея военной мощью, а новые успѣхи ея въ войнѣ съ Турціей (1828—1829 г.г.) подняли противъ насъ уже громадную враждебную волну всего Запада, особенно, когда, по договору съ турками (1833 г.), Россія получила преимущественное право на пользованіе проливами.

Все царствованіе Николая I прошло сначала въ глухой, а затѣмъ и открытой борьбѣ Россіи съ Западной Европой. Борьба эта велась исключительно на почвѣ соревнованія съ Россіей въ ея исконномъ освободительномъ призваніи на Балканахъ. Конецъ ея извѣстенъ. Она завершилась славной Севастопольской компаніей, когда Россія не отступила отъ долга чести и святости своего призванія предъ лицомъ всей вооруженной Европы. И лишь непреодолимой силой была отнята отъ Россіи ея высокая роль *единственной* покровительницы православія и славянства на Балканахъ. По условіямъ Парижскаго мира (1856 г.) балканскія христіанскія народности объявлены были подъ покровительствомъ *всѣхъ* великихъ западно-европейскихъ державъ, а не одной только Россіи.

Въ этой борьбѣ совершенно понятно было выступленіе противъ насъ Англіи и Франціи, которыя свободны были отъ всякихъ соглашеній съ Россіей и обязательствъ въ отношеніи къ ней,—но совершенно непонятно и глубоко вѣроломно было поведеніе Австріи и Пруссіи, которыя выступили противъ насъ, если и не съ мечемъ въ рукѣ, то съ угрозой и интригой. Вѣдь эти державы незадолго до того спасены были отъ полной гибели исключительно великодушіемъ Россіи—Пруссія въ 1807 г. отъ Наполеона и Австрія въ 1848—1849 г.г. отъ возставшихъ Венгровъ. Эти державы продолжали еще состоять съ нами въ „священномъ союзѣ“, основанномъ, по мысли имп. Александра I, на началахъ глубокаго мира, полной доброжелательности и взаимной поддержки.

Такъ историческими судьбами этой войны явно обоз-

начился главный врагъ славянства и Россіи—въ нѣмцахъ. Говорятъ, еще предъ войной кн. Паскевичъ указалъ Государю, что нельзя идти на Константинополь, не сокрушивши предварительно Австрію. Слова Паскевича оправдались вполне. Именно измѣна Австріи и повліяла фатально на развитіе всей восточной эпопеи.

Но за стѣной Австріи для нашей освободительной миссіи на Балканахъ оказался болѣе страшный и сильный врагъ—Германія. Путь на Балканы шелъ не только чрезъ Вѣну, но и главнымъ образомъ чрезъ Берлинъ. Со всею ясностью обнаружилось это во время слѣдующей нашей войны съ Турціей за свободу славянъ (въ 1877—1878 г.г.). Побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ остановлено было грознымъ окрикомъ изъ Берлина у самыхъ стѣнъ беззащитнаго Константинополя. Уже предъ взорами русскихъ солдатъ высились игольчатые минареты св. Софіи и сверкали на солнцѣ лазурныя воды Золотого Рога. Оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, даже не прибѣгая къ оружію,—и освободительная миссія Россіи завершилась бы въ полной мѣрѣ: всѣмъ христіанскимъ народамъ Балканъ возвращена бы была свобода совѣсти и политическаго бытія подъ священной сѣнью освобожденной св. Софіи. Но... Берлинскій конгрессъ, руководимый всесильной рукой „желѣзнаго канцлера“, отстоялъ существованіе Турціи въ Европѣ и низвелъ до minimum'a результаты побѣдоносной войны.

Нѣмцы снова восторжествовали надъ нами, но восторжествовали въ послѣдній разъ. Въ Россіи съ самаго конца освободительной войны все грознѣе и грознѣе вздымалась волна народнаго негодованія противъ нѣмцевъ. Еще подъ стѣнами Константинополя Скобелевъ обмолвился: «врагъ нашъ—нѣмецъ», сказалъ онъ, и эти слова вслѣдъ за любимымъ героемъ своимъ подхватила вся Россія. Горячія головы вмѣстѣ съ Скобелевымъ тогда же совѣтовали немедленно занять Константинополь и начать войну съ Германіей, но рискъ былъ великъ, и благоразуміе подсказывало осторожность...

Мы уступили. Но для самихъ нѣмцевъ стало ясно, что отъ задачъ, поставленныхъ самой исторіей, Россія не можетъ уклониться, пока она сильна и могущественна,—что

она не можетъ оставить обогранныхъ своею кровью балканскихъ твердынь въ рукахъ исконныхъ враговъ христіанской культуры или отдать ихъ нѣмцамъ,—что дѣти и братья ея не могутъ быть оставлены ею подъ игомъ турокъ или нѣмцевъ.

Для Германіи и Австріи оставалось одно изъ двухъ: или допустить Россію завершить свою освободительную миссію изгнаніемъ турокъ изъ Европы, или готовиться къ рѣшительной борьбѣ за Востокъ, чтобы нанести смертельный ударъ могуществу Россіи и свободѣ славянства.

Нѣмцы избрали послѣднее. Цѣлыхъ 35 лѣтъ готовились они къ борьбѣ и теперь рѣшили, что въ состояніи сломить разъ навсегда могущество Россіи. Своимъ дерзкимъ вызывомъ они поставили вопросъ о будущности всего славянства и существованіи самой Россіи.

Съ спокойнымъ величіемъ приняла этотъ вызовъ Россія и геройскими усиліями своихъ чудо-богатырей сейчасъ славно рѣшаетъ поставленный вопросъ, преслѣдуя за Вислой разбитаго врага.

Но историческая освободительная миссія Россіи не получила бы въ настоящей войнѣ полного своего завершенія, если бы Турція оставалась только спокойной зрительницей современныхъ событій. Значительная часть христіанскихъ народностей, покровительствуемыхъ ею, все еще оставалась бы подъ игомъ турокъ, и священное наслѣдіе древней Византіи все еще попиралось бы исповѣдниками ислама.

Лишь выступленіе Турціи на арену міровой барьбы открываетъ Россіи полный просторъ для разрѣшенія всѣхъ ея священныхъ историческихъ задачъ. И какъ ни нежелательна была война съ Турціей, какъ ни жаль новыхъ жертвъ, выступленіе ея всетаки нельзя не привѣтствовать, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ, обезпечивающихъ будущій миръ всего міра.

Россія приняла враждебное выступленіе Турціи, какъ мудрый актъ провидѣнія. Если разгромомъ австро-германскихъ полчищъ она освобождаетъ стонущее подъ игомъ нѣмцевъ славянство, то побѣдой надъ турками она безъ помѣхи осуществляетъ свое святое призваніе на Балканахъ и въ Турціи. Прямой дорогой, помимо Берлина и Вѣны, Россія

снова дойдетъ до Константинополя, вернетъ православному міру великія святыни старой Византіи, освободитъ послѣдній остатокъ угнетенныхъ христіанскихъ народностей и добудетъ, наконецъ, себѣ ключи отъ своего собственнаго дома, разрѣшивши вопросъ о проливахъ.

Впереди-великія цѣли и великое будущее. Мы получили, наконецъ, возможность заплатить свой священный долгъ въ отношеніи къ страждущимъ христіанскимъ націямъ Востока и разрѣшить свои насущныя государственныя задачи.

Тѣни Румянцева, Суворова, Нахимова и Скобелева витаютъ теперь надъ доблестной кавказской арміей, вторгшейся въ предѣлы Турціи. Пробыль часъ, когда крестъ снова возсіяетъ надъ св. Софіей, и исполнится завѣтная мечта лучшихъ русскихъ людей. „Безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря“ (Слова Высочайшаго манифеста).

Нѣтъ тѣхъ жертвъ, которыя были бы страшны въ борьбѣ за свободное развитіе и свѣтлое будущее нашей родины.

П. Ансеровъ.

Россія и славянскій вопросъ.

Въ наши дни, когда Россіи приходится вести войну не только съ тевтонами, но и съ исконнымъ врагомъ всего славянства—Турціей, намъ необходимо, для собственнаго назиданія, дабы не повторить ошибокъ прошлаго, пройти мыслію по страницамъ нестарѣющей книги И. С. Аксакова „Славянскій вопросъ“ и вмѣстѣ съ нимъ почувствовать то униженіе и тѣ оскорбленія, какія пришлось пережить въ Русско-Турецкую войну (1877—1878 г.г.) истиннымъ патриотамъ.

Никогда, по словамъ Аксакова, не сказывалось такъ рѣзко отчужденіе и различіе между верхними и нижними

слоями народа, какъ во время и послѣ той войны. Въмѣсто словъ одобренія и одобренія слышался оглушительный хоръ осуждавшихъ, пророчившихъ Россіи пораженіе, называвшихъ войну безумной, безпричинной, навязанной Россіи „дерзостью Славянскаго Комитета, сумасбродствомъ журналистовъ, фанатиковъ“, т. е. славянофиловъ,—издѣвавшихся надъ нашими стремленіями „освободить и просвѣщать другихъ“. Этими людямъ, которые, видя, не видѣли и, слыша, не слышали, Аксаковъ отказывался растолковать святую простоту и естественность народныхъ побужденій къ войнѣ, ея народность, историческую необходимость, міровой исторической смыслъ. Духовные отступники отъ народа, они, рассказываетъ Аксаковъ, считали недоступными ему историческія задачи и идеалы, такъ какъ не могли понять, что если въ простонародныхъ массахъ нѣтъ историческаго сознанія, то зато есть историческій инстинктъ, „*нравственное сознаніе*“ своей общей связи, своего личнаго долга и отношенія къ великому цѣлому, называемому народомъ (или именемъ страны, называемой Россіей)“ (271—272).

Можно себѣ представить все негодованіе Аксакова на всѣхъ, тормозившихъ дѣло освобожденія славянства, если, по его словамъ, уже близокъ былъ тогда часъ освобожденія христіанства отъ магометанскаго ига, и народъ нашъ собирался „водрузить крестъ на св. Софіи“, наша же „интеллигенція, въ лицѣ дипломатовъ вспомоществуемая такъ называемою (конечно ложно) „либеральною“ частью общества, заставила остановить напоръ русскихъ войскъ, сорвала съ нихъ вѣнецъ побѣды“. (453).

Берлинскій трактъ, создавшій атмосферу „національнаго безчестія и приниженнаго духа“, являясь кульминационнымъ пунктомъ петербургскаго періода нашей исторіи, представляя собою „апогей отчужденія высшихъ слоевъ Русскаго народа отъ народности“ (575), былъ бы немислимъ, если бы нѣмцы въ своей борьбѣ съ русскимъ направленіемъ, въ своемъ противодѣйствіи проявленіямъ самобытности въ нашей внѣшней политикѣ не находили себѣ неожиданную поддержку „въ той русской печати, которая съ какимъ-то наивнымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ въ русскомъ обществѣ всякое притязаніе на національную самобытность и тре-

пещеть отъ благороднаго негодованія при одномъ этомъ словѣ“. (341).

Ужасно было то, что это преслѣдованіе поддерживалось и питалось оскорбительнымъ и унижительнымъ представленіемъ о нашей народности, безотрадно—нигилистическимъ изображеніемъ состоянія Россіи „въ экономическомъ, финансовомъ, социальномъ, нравственномъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ“, тѣмъ взглядомъ на Россію, по которому она—„сплошная язва даже безъ несомнѣнной надежды на выздоровленіе“. Отсюда исходилъ совѣтъ Россіи „сидѣть смиреннымъ смирно, спустить пониже свой политическій флагъ, сносить терпѣливо всѣ щелчки и обиды и при всякомъ новомъ извнѣ оскорбленіи приговаривать самой себѣ: „ништо тебѣ, ништо! такъ и слѣдуетъ! Подѣломъ! Вотъ тебѣ за самобытность! Вотъ тебѣ за притязанія на народное самостоятельное развитіе“. (341).

Напрасно Аксаковъ убѣждалъ, что такое наше поведение вмѣстѣ съ нашимъ интеллигентскимъ низкопоклонничествомъ передъ Европой только усиливаетъ презрѣніе къ намъ, какъ къ какимъ-то варварамъ и людоѣдамъ, обезсиливаетъ наше политическое значеніе. Аксакову приходилось даже выслушивать „совѣты, повидимому, благонамѣренные и преисполненные предусмотрительной мудрости“,—именно совѣты скрывать наши чувства къ славянамъ, „дабы тѣмъ не раздражать и не испугать Европу, не ослабить нашихъ политическихъ союзовъ съ иностранными державами, не навлечь подозрѣнія на тѣхъ, кому бы мы желали помочь и не вовлечь ихъ въ горшную бѣду“. Получалось обратное. Выходило такъ, что эти совѣты мудрости дешевой и близорукой, что стремленіе переубѣдить Европу „насчетъ нашихъ историческихъ, естественныхъ, вполне законныхъ влеченій въ политикѣ“ порождаетъ въ Европѣ еще большія подозрѣнія, еще большее недовѣріе къ намъ, такъ какъ враги наши „лучшаго о насъ мнѣнія, чѣмъ мы сами“, и считаютъ немыслимымъ для русскаго народа „стать въ противоестественныя отношенія къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и крови, а для русской дипломатіи—ступить на такой лживый и ложный политическій путь“ (92).

Наперекоръ своимъ противникамъ Аксаковъ повторялъ

что славянскій вопросъ есть русскій и наоборотъ, что желанное разрѣшеніе его имѣеть возрождающее и освободительное значеніе не только для освобождаемыхъ, но и для освободителей, что намъ нельзя стыдиться своей народности, бояться исповѣдовать ее передъ всѣмъ міромъ, исповѣдовать во всеуслышаніе нашу духовную и кровную связь съ остальнымъ славянствомъ, такъ какъ заявленіе своей силы, соблюденіе своей національной чести и достоинства, вѣрность историческому призванію не навлекаетъ, а отвлекаетъ грозу Европы.

Вотъ почему Аксакова несказанно радовало всякое обстоятельство, свидѣтельствовавшее о нашемъ большемъ сближеніи съ славянствомъ, дававшее право сказать, что этотъ вопросъ изъ отвлеченнаго сталъ жизненнымъ и животрепещущимъ вопросомъ современной политики, „изъ предмета сердечныхъ влеченій и поэтическихъ сочувствій—сдѣлался предметомъ серьезныхъ политическихъ комбинацій“ (101). Вотъ почему Аксаковъ предупреждалъ Россію не участвовать въ дипломатической лжи нѣмцевъ, не устраивать европейскихъ концертовъ, гдѣ „всѣ вопятъ нагло фальшивыми голосами“ (239), не связывать себя противостественными союзами съ врагами славянства, чтобы не запутаться въ ихъ хитросплетеніяхъ, но открыто осуществлять свою славянскую миссію. Вотъ почему и нашимъ дипломатамъ, усердствовавшимъ въ своемъ служеніи европейскимъ интересамъ и въ пренебреженіи идей нашей самобытности Аксаковъ напоминалъ о необходимости „смѣть свое сужденіе имѣть“, требовалъ отъ нихъ стойкости и ревности національнаго чувства.

Любопытно сопоставить съ этимъ отношеніе Аксакова къ образованнымъ и правящимъ кругамъ прочихъ славянскихъ странъ,—отношеніе, въ достаточной степени подтверждающее отсутствіе у Аксакова какой бы то ни было партійной предвзятости, честность, открытость и неумолимую послѣдовательность его напряженной и сосредоточенной на одномъ мысли. Аксаковъ и здѣсь проводилъ доказательство той истины, что идея отдѣльныхъ славянскихъ народностей живится идеей нашей народности, идеей всеславянскаго единенія, и измѣнна данной идеѣ есть измѣна своей на-

родности. Въ глазахъ Аксакова непреложнымъ оставалось одно, что народъ, „простой народъ, тотъ, которымъ только и стоитъ народная личность въ мірѣ славянскомъ, вездѣ и всегда за Россію“, а если кто есть противъ нея, такъ это „отщепенцы своего народа, сознательные и безсознательные измѣнники своей земли... будущіе вольные и невольные холопы Австро-Мадьяръ“. Признавая влеченіе и тяготѣніе къ намъ прочихъ славянскихъ народовъ естественнымъ, органическимъ, исходящимъ „изъ самой глубочайшей глубины народнаго существа“ и не обязывающимъ сочувствовать тому или другому лицу, тѣмъ или инымъ порядкамъ въ Россіи, Аксаковъ объявлялъ врагомъ своего народа всякаго, кто „становится во враждебное отношеніе не къ тому или другому изъ русскихъ людей, не къ той или другой мѣрѣ русскаго правительства, а къ Россіи вообще, и думаетъ ума-лить славянское братское старѣйшинство Русскаго народа“.

Съ этой точки зрѣнія Аксакова такъ называемая интеллигенція, въ Сербіи-ли, Болгаріи или еще гдѣ, „именуйся она либеральною, радикальною или консервативною“, отвращаясь отъ православія во имя культуры и отчуждаясь отъ Россіи въ силу либерализма, „повинна въ *измѣнѣ* своей собственной народности и народу“, въ предательскомъ соучастіи съ врагами славянства (364).

Вотъ почему Аксаковъ былъ невысокаго мнѣнія объ интеллигенціи прочихъ славянскихъ странъ, видя въ ней грубую копію съ нашей безнародной интеллигенціи „нигилистовъ, анархистовъ и динамитчиковъ“ (630) и находя въ ея духѣ и направленіи измѣну духу и направленію славянства, какъ цѣлаго, измѣну вѣковымъ историческимъ завѣтамъ нашимъ. Мы, по словамъ Аксакова, создавъ, напр., Болгарію своею кровью, сами позаботились привить ей космополитическій ядъ, партійное раздѣленіе, вражду и рознь, благодаря чему интересы отечества заслоняются личными и партійными интересами. „Мы сами навязали Болгарамъ самую безобразнѣйшую, радикальнѣйшую конституцію въ мірѣ, при неограниченной свободѣ печати, и это въ странѣ, не только не просвѣщенной, но чуждой даже и зачатковъ той общественной дисциплины, въ духѣ которой воспитывается народы лишь долготѣнее государственное существо-

ваніе“. (629). Въ результатѣ всего въ Болгаріи получилась та же интеллигенція, что и у насъ въ 60--70-хъ годахъ, проникнутая тѣмъ же духомъ отчужденія „отъ общихъ намъ со славянами народныхъ духовныхъ основъ“, тѣмъ же духомъ „отрицательнаго отношенія къ Россіи, къ ея историческому прошлому и политическому коренному принципу, всегда лживо ими толкуемому и понятому“,—тѣмъ же духомъ поклоненія „последнимъ словамъ западной науки и жизни и всѣмъ новѣйшимъ радикальнымъ доктринамъ“, той же страстью религіознаго индифферентизма и игры въ политику. (630).

Тѣми же чертами характеризуется и сербская интеллигенція, въ своемъ лакейскомъ служеніи культурѣ считающая обязательнымъ ненавидѣть Россію, „какъ подобаетъ истымъ Европейцамъ“—выражать опасеніе—„стать жертвою захватовъ ненасытно—алчнаго Русскаго царства“ и лѣзть „въ пасть австійцамъ“, хвалиться безвѣріемъ, заниматься политиканствомъ. (451--452).

Если откуда исходитъ противодѣйствіе Россіи, враждебная ей пропаганда, направленные противъ нея заговоры, такъ это, по мнѣнію Аксакова, именно изъ образованныхъ славянскихъ слоевъ, гдѣ происходятъ теченія мысли не имѣющія ничего общаго съ народными теченіями, влеченіями, инстинктами, идеалами. Такъ какъ въ славянскомъ образованномъ обществѣ народная духовная сущность не только не возводится въ сознаніе, но прежде всего отрицается во имя идеаловъ и достиженій чужой жизни, и собственная самобытность попирается и даже вызываетъ ненависть, „если она въ чемъ либо расходится съ результатами, *досель* добытыми высшими культурными народами“, то Аксаковъ отказывался признавать такое общество за выразителя народнаго самознанія.

Въ данномъ случаѣ Аксаковъ оставался вѣрнымъ своей единой руководящей идеѣ, своему глубокому славянскому чувству, не обманывавшему его насчетъ нашихъ враговъ и друзей. Оня вѣрилъ горячо, какъ въ нашъ, такъ и въ остальной славянскій простой народъ, убѣжденный въ присущей ему крѣпости и цѣлости, въ неизвращенности его національныхъ чувствъ и влеченій. Эту свою вѣру Ак-

саковъ хорошо доказалъ въ моментъ обостренія тогдашнихъ русско-болгарскихъ отношеній, когда наша печать и дипломатія требовали отказаться отъ Болгаріи, оттолкнуть ее въ наказаніе, тѣмъ самымъ расширяя сферу вліянія тамъ Австріи, Аксаковъ же убѣждалъ, что „Болгарія и Болгарскій народъ неповинны въ козняхъ, подвохахъ, фокусахъ и всякой кривдѣ своего официальнаго правительства и своей интеллигенціи вообще“ (637), что помимо нигилистической интеллигенціи „въ Болгаріи есть здравомыслящій народъ, православный, ничего общаго съ своею „интеллигенціею“ не имѣющій, искренно преданный и неизмѣнно благодарный своей избавительницѣ Россіи“. (645).

Въ своей полемикѣ съ „революціонными консерваторами“ и „реальными“ политиками Бисмарковскаго типа Аксаковъ вынужденъ былъ отстаивать славянскій вопросъ еще съ другой стороны, касающейся духовныхъ основъ національности, цѣли и смысла нашего національнаго существованія. Защитникамъ эгоистическихъ побужденій въ политикѣ Аксаковъ возражалъ, что не о хлѣбѣ единомъ должны жить не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы, что для такихъ всемірно историческихъ народовъ, какъ русскій народъ, обязательны эти требованія, эти обязанности, налагаемыя на него его необычайнымъ жребіемъ, его великимъ призваніемъ. (672).

Рѣчь въ данномъ случаѣ шла о русской идеѣ или, что то же, объ идеѣ славянской, „въ которой нѣтъ ни для Россіи, ни для славянъ никакого историческаго *raison a'être*,—и самое ихъ независимое существованіе на землѣ представляется безсмыслицей—или же лишь будущей поживой для нѣмецкаго всепоглощающаго аппетита“. Подобно Хомякову, К. С. Аксакову, И. В. Кирѣевскому, Ц. Я. Данилевскому, Ф. М. Достоевскому, Аксаковъ вѣрилъ въ способность Россіи сказать „новое могучее слово“ (682), отъ котораго бы воспрянули сердца славянъ, „явить міру *культурный контрастъ* Западной Европѣ“, явить „новый культурный историческій типъ, который примиритъ въ себѣ и Востокъ, и Западъ на основѣ православно—славянской“. (677).

Личный вопросъ человѣка „зачѣмъ жить?“—Аксаковъ приложилъ къ цѣлому народу и сталъ искать твердой поч-

вы для его разрѣшенія. Почву эту, по примѣру прочихъ мыслителей, онъ сталъ искать въ религіи народа, въ его духовно-историческихъ преданіяхъ, въ его задушевныхъ, священныхъ чаяніяхъ и вѣрованіяхъ и пришелъ къ проповѣди православія, какъ основанія и источника нашей славянской культуры, какъ залога нашего самобытнаго духовнаго значенія и вселенскаго историческаго призванія. Углубившись въ русскую исторію, Аксаковъ нашель, что въ лицѣ Петра Великаго на общественную арену Россія выступила, „не только какъ новое политическое могущество, потребовавшее себѣ мѣста и участія въ общихъ всемірныхъ дѣлахъ, но и какъ особый духовный и нравственный элементъ, новое дѣйствующее начало, отличное отъ Запада“, какъ „міръ православно—славянской“. (564).

Въ исторіи даже католическихъ нынѣ славянъ Аксаковъ прочиталъ о лучшей порѣ ихъ прошлаго, когда живы были среди нихъ преданія православія, даже и теперь не загложія, напр., у чеховъ. Всѣ данныя, историческія, политическія, нравственныя и проч., складывались въ подтвержденіе рѣшающаго и созидающаго значенія религіознаго, національно-вѣроисповѣднаго начала, но Аксакову, все-таки, не разъ приходилось бесѣдовать съ своими современниками на эту тему.

Возражая своимъ противникамъ, Аксаковъ иронически повторялъ ходячее выраженіе времени,—„религія—субъективное чувство“,—и въ доказательство того, что религія—дѣло не одной личности, но всего народа, что вѣроисповѣдныи принципъ имѣеть государственно—объединяющее и созидающее значеніе, ссылаясь на своихъ же современниковъ—европейцевъ, опиравшихся на этотъ принципъ, какъ на лучшее орудіе въ своемъ поступательномъ движеніи на славянство. Аксаковъ указывалъ, какъ на живой примѣръ, на нашихъ ближайшихъ сосѣдей, австрійцевъ и германцевъ, и на то, какъ они поддерживали и поддерживаютъ свою государственную цѣлость и единство. Аксаковъ оставлялъ нашимъ либераламъ доказывать, что въ „нашъ просвѣщенный вѣкъ народное вѣроисповѣданіе равнехонько ничего не значитъ и не должно культурными людьми приниматься въ расчетъ или соображеніе“,—что „въ современной цивили-

лизованной Европѣ религія признается лишь субъективною силою, нигдѣ не понимается, какъ принадлежность народной духовной индивидуальности и тѣмъ менѣе гдѣ-либо обращается въ орудіе политической пропаганды, а потому и непристойно—де толковать въ наши дни о какомъ-то Православіи Русскаго народа и вспоминать эту субъективность, это дѣло каждой отдѣльной личности въ вопросѣ объ отношеніи Русскаго народа къ другимъ европейскимъ народамъ“.

Одураченное лукавыми и лживыми европейскими разсужденіями на эту тему, наше общество можно было отрезвить только фактами европейской дѣйствительности, доказывающей какъ разъ противное. И Аксаковъ сильно разоблачалъ европейскую ложь фактами европейской же дѣйствительности, гдѣ въ противовѣсъ православію выдвигается латинство, гдѣ искони славянскія страны наводняются миссіонерами, работающими надъ совращеніемъ православныхъ въ латинство и вооруженными „самыми могущественными средствами соблазна“, и гдѣ даже протестанство и атеизмъ не мѣшаютъ считать совратившагося изъ православія въ латинство славянина своимъ и оказывать ему покровительство. Эти факты давали лучшее доказательство того, какую тѣснѣйшую связь и единомысліе создаетъ единовѣріе, и какъ измѣна своей вѣрѣ пріобщаетъ „къ историческимъ судьбамъ враждебныхъ славянству народовъ запада“. (354—355).

Значенія вѣроисповѣданія въ исторіи, „въ историческомъ сложеніи народной духовной личности и быта“ должно было представляться фактически неоспоримымъ въ виду историческихъ судебъ Австріи и Германіи. „Искусственное, насильственное, основанное на неправдѣ“, существовавшее лоскутной Австріи для Аксакова было вполне понятно при наличности осужденной исторіей, но еще живучей ея идеи, живучей, „чтобы губить, гнести и разрушать“, ея католической стихіи, одушевляющей „австрійскій государственный снарядъ“. Что именно этой стихіей жива была „Священная Римская“ имперія, Аксакова еще больше убѣждало то обстоятельство, что послѣ побѣды, одержанной надъ нею нѣмецко-протестанскою стихіей, „послѣ торжества германскаго протестантизма католицизмъ сталъ ея единствен-

вымъ источникомъ духовной мощи, за отсутствіемъ въ ней иного господствующаго духовнаго или же органическаго начала“. Ту же истину о значеніи вѣроисповѣданій въ исторіи подтверждало и германское объединеніе, которое могло осуществиться „только подъ протестанскимъ знаменем“, при чемъ побѣду Пруссіи надъ бывшей „Священной Римской“ имперіей, т. е. Австріей, принесла именно реформа Лютера. (428—429).

Отсюда Аксаковъ получилъ единственно вѣрное и исчерпывающее объясненіе той ненависти „латино-германскаго запада къ славянамъ вообще и къ Россіи въ особенности“, которая кроется „въ тайнахъ духа человѣческаго“, скорѣе готова сдѣлать уступку азіатцу, чѣмъ славянину, которую не могло и не можетъ укротить никакое наше смиреніе и безкорыстіе, такъ какъ, „только отрекшись отъ своей русской народности и нераздѣльной съ нею вѣры, могли бы утолить эту европейскую вражду и утишить подозрѣнія“ (108).

Отсюда вполне была понятна истинная задача западно-европейской политики по отношенію къ славянамъ, обреченнымъ ею на духовную ассимиляцію черезъ посредство латинской пропаганды. „Вся задача западно-европейской политики въ томъ именно и состоитъ, чтобъ расторгнуть связь между Россіей и остальнымъ міромъ Славянскимъ,— другими словами, уничтожить историческій фактъ, нераздѣльный съ самимъ бытіемъ Славянъ и Россіи“. А это расторженіе, это уничтоженіе должно было осуществляться черезъ подтачиваніе најизженнаго нерва нашей и славянской народности—православія, черезъ совращеніе православныхъ славянъ „въ латинство или хоть въ протестантизмъ“ (393).

Исходя изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ, Аксаковъ пришелъ къ глубочайшей увѣренности относительно того первенствующаго и образующаго значенія, какое имѣло и будетъ всегда имѣть религіозное начало въ исторіи народовъ. Безъ исторіи церквей и вѣроисповѣданій, вліявшихъ на воспитаніе народности, на сложеніе ея въ тотъ или другой политической организмъ, проникавшихъ своими началами, какъ воздухъ, всю жизнь народовъ, направлявшихъ и опре-

дѣлявшихъ ихъ духовную и матеріальную жизнь, исторія государствъ, по мнѣнію Аксакова, была бы неразъясненной и явилась бы „только какимъ-то случайнымъ сцѣпленіемъ внѣшнихъ событій“. Лишь въ силу различія вѣроисповѣданій, по убѣжденію Аксакова, является такая рѣзкая взаимная разница государственной исторіи народовъ православныхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ. Лишь связью русской народности съ православіемъ обуславливается различіе между русскимъ латиняномъ и русскимъ православнымъ. Вотъ почему Аксаковъ требовалъ отъ государства политики національной, т. е., „политики, проникнутой духомъ національности, согласной не только съ вещественными, но и съ нравственными интересами русской народности“, къ каковымъ и относятся „интересы нашего единовѣрія съ православными христіанами на Востокъ“ (97).

Вотъ почему Аксаковъ не находилъ болѣе пагубной для истинно-славянскаго возрожденія мысли, какъ та, что „народность стоитъ-выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патріоты должны относиться къ нему безразлично“. Самые термины „Востокъ“ и „Западъ“ въ глазахъ Аксакова,—термины качественныя, а не географическія,—„означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйствительными силами въ исторіи человѣчества“. Самая принадлежность къ Востоку, къ славянству опредѣляется принадлежностью къ православію, и славяне-католики не могутъ причислять себя къ міру Восточному: „что бы они ни дѣлали,—Западъ ихъ не признаетъ *своими*, пока не отреклись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики—славяне не сыны, а только, *пасынки* Западной Европы, и для нихъ она все же не мать, а мачеха“.

Католицизмъ, по мнѣнію Аксакова, губитъ, изъѣдаетъ славянскую душу, и если католическія славянскія племена еще сохраняютъ въ себѣ славянскую душу, то именно „благодаря тому, что они чужды латинскаго фанатизма, что католицизмъ не отождествляется съ ихъ народною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или бессознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ славянской духовной природы“.

(175- -176). Въ частности относительно поляковъ Аксаковъ не разъ съ огорченіемъ и рѣзкостью замѣчалъ, что католичество вошло у нихъ въ плоть и кровь, что они занимаютъ враждебную по отношенію къ славянству позицію, и что они по своей духовной настроенности и глубоко проникшему въ ихъ жизнь отчужденію въ сторону чуждой славянству культуры—отступники славянства. Правъ, конечно, Аксаковъ, въ своемъ честномъ послѣдовательномъ мышленіи не уклонявшійся и не отступавшій передъ рѣзкими, бьющими въ глаза заключеніями. Есть, конечно, оправданія и для поляковъ въ обстоятельствахъ ихъ политическаго существованія, но основная правда о православіи, какъ о существенномъ признакѣ словянства, обязываетъ быть болѣе прямолинейнымъ и неподкупнымъ исторически.

Аксаковъ обращалъ вниманіе на своеобразность процесса развитія въ жизни славянскихъ народовъ, особенно съ точки зрѣнія западно-европейской исторіи, такъ какъ западно-европейскія племена не испытывали такого чуждаго ярма, „внѣшняго или внутренняго, вещественнаго или невещественнаго, азіатскаго или романо-германскаго“, какъ племена славянскія, не извѣдали, какъ они, „насилъственнаго обезличенія извнѣ или измѣны и отступничества отъ отеческихъ преданій внутри себя“, пренебреженія стародавней правдой и слѣдовавшей за этимъ утраты политической независимости и народности „въ ея высшемъ значеніи—духовномъ“. Взглядъ на этотъ скорбный историческій путь, пройденный славянствомъ и налагавшій на него суровый и тяжкій подвигъ „внутренняго воссоединенія и самоопредѣленія“, давалъ Аксакову наиболѣе вѣрное опредѣленіе славянской народности, какъ понятія по преимуществу нравственнаго и духовнаго, опредѣляемаго не фізіологическими только особенностями и даже не особенностями языка. „Что пользы—спрашивалъ Аксаковъ—въ сохраненіи фізіологической особенности, если не сохранена особенность духа, если самъ народъ нравственно безличенъ? Что толку въ народности, если она лишена своеобразнаго внутренняго содержанія? Не для того провидѣніе тысячелѣтнимъ историческимъ процессомъ искушаетъ, какъ въ горнилѣ, различныя отрасли славянскаго племени, чтобы онѣ, возста-

новляя свою самобытность, обращали свой языкъ въ безличное слѣпое орудіе чуждаго духа, служили славянскою рѣчью противославянскому міровоззрѣнію и подчиняли свою славянскую совѣсть духовному руководительству исконныхъ враговъ славянства“.

Въ своемъ честномъ и правдивомъ отношеніи къ данному вопросу Аксаковъ не могъ скрыть, замолчать того дѣйствительнаго факта, что нашимъ понятіямъ доступнѣе братская связь, основанная „не на одномъ кровномъ родствѣ, но и на родствѣ духовномъ“, что намъ легче опознать своихъ братьевъ въ славянахъ, оставшихся вѣрными преданіямъ „древней Вселенской церкви“. Аксаковъ оговаривался, что горячая отзывчивость и сочувствіе, проявлявшееся въ его время среди чеховъ, отзывалось „въ самой глубинѣ русскаго народнаго сердца“, пробуждая въ немъ „радостныя упованія“.

Но неподкупная строгость историческаго суда, днемъ котораго будетъ грядущій историческій день воскресенія славянства, побудила Аксакова заявить: „всякое славянское племя, приковавшее свою духовную судьбу къ духовнымъ судьбамъ латинства, подлежитъ одному съ нимъ суду, само заранѣе подписываетъ себѣ одинаковый съ латинствомъ историческій приговоръ“. Вполнѣ понятенъ послѣ этого призывъ Аксакова, обращенный къ чехамъ и другимъ католическимъ славянамъ, — возвратиться къ православію, къ вѣрѣ своихъ предковъ, довершить славное дѣло Гуса, осуществить идею его чисто-славянскаго протеста. Понятна также и скорбь Аксакова о томъ, что католическіе славяне откололись отъ единства вѣры, потеряли единый свой божественный языкъ, языкъ св. Кирилла Меѳодія, — и что не отпразднованъ, какъ слѣдуетъ, день памяти этихъ просвѣтителей славянства, не увѣковѣченъ по достоинству въ жизни славянства.

Скорбно было ревнителю славянства быть свидѣтелемъ продолжающагося и понынѣ Констанцскаго собора, по прежнему громающаго анаѳемами „и Гуса, и его дѣло, и все славянство“. Больно было смотрѣть на пылающій по прежнему костеръ Гуса, который поддерживаютъ его же братья по крови своимъ духовнымъ единствомъ съ убійцами Гуса, съ

властью, призывавшей „благословеніе небесное на враговъ Христа и Славянства и кару небесную на вашихъ славянскихъ братьевъ (русскихъ), дерзнувшихъ избавить христіанъ отъ тиранніи Ислама“. И Аксаковъ горячо убѣждалъ чеховъ: „угасите же костеръ Гуса. Оправдайте мученика, прославьте его не суетною, а святою подобающею ему славою, и во имя его, въ духовномъ единеніи съ Славянствомъ восточнымъ, станьте вы, чехи, на Западѣ, воистину передовымъ стражемъ Славянства“. (319—315).

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Аксаковъ обязанъ былъ доказать, почему православіе—неотъемлемый признакъ славянства, и почему лишь оно согласуется и совпадаетъ съ характеромъ славянства, съ особенностями его міросозерцанія, съ его духовнымъ складомъ. Здѣсь передъ католическими славянами встаетъ вопросъ: „Хотите ли имѣть главою церкви Христа или папу?“. Какой бы ни послѣдовалъ на это отвѣтъ, но, по убѣжденію Аксакова, остается несомнѣннымъ одно основное положеніе, что папизмъ—злѣйшій врагъ славянства, „ибо онъ противорѣчитъ самому существу духовной славянской природы“. Существенный признакъ Православія—въ его вселенскости, отрицающей возможность нанесенія какого бы то ни было ущерба національности его исповѣдниковъ, предоставляющей полный просторъ автокефальнымъ національнымъ церквамъ, не налагая никакихъ узъ, кромѣ узъ соблюденія преданій и каноновъ вселенской церкви, кромѣ узъ нравственныхъ. Существенный признакъ католичества—въ его сплошной односторонности Запада, возводящей Римъ во вселенское значеніе, помогающей подчиненія себѣ всей вселенной,—не допускающей національныхъ самостоятельныхъ церквей, народнаго языка въ богослуженіи, утверждающей самодержавіе и непогрѣшимость папы и рабское, страдательное положеніе мірянъ.

Въ первомъ случаѣ передъ нами—„по преимуществу религія духа“, во второмъ—„по преимуществу религія въ практическомъ своемъ примѣненіи, религія внѣшняго земнаго авторитета, внѣшней правды и внѣшнихъ обездушенныхъ дѣлъ“,—религія, перенесшая духъ римскаго права въ область церковную, стремящаяся опознать истину „по легальнымъ, юридическимъ признакамъ“. Этотъ духъ като-

личества, по мнѣнію Аксакова, чуждъ славянской природѣ, такъ какъ „для Славянина вообще, тѣмъ болѣе для Славянина православнаго юридическая истина ниже истины нравственной, и всѣ стремленія его души, нашедшія себѣ выраженіе и въ основахъ его быта,—направлены къ правдѣ внутренней“. Вотъ почему славянину, съ его жаждой все рѣшать по-Божьи, съ его превознесеніемъ истины нравственной надъ правовымъ порядкомъ, такъ по душѣ пришлось Православіе и такъ чуждо и противорѣчить его природѣ исповѣданіе римско-католическое.

Вотъ почему, обращаясь къ нашему народу, къ нашей исторіи, Аксаковъ утверждалъ, что „именно въ православіи заключается для славянской Россіи залогъ ея самобытнаго духовнаго значенія и ея вселенскаго призванія“ (559—565), Тутъ, по мысли Аксакова, нѣтъ никакого національнаго высокоумія и самопревознесенія, а лишь означеніе своего идеала, хорошо выразившагося въ нашемъ предпочтеніи. отданномъ передъ всякими племенными названіями названіямъ: „Святая Русь“, „христіане=крестьяне“, „православные“. Тутъ именно совпаденіе національнаго самоопредѣленія „съ высшимъ опредѣленіемъ общечеловѣческимъ“, такъ какъ если правда, то, что не Россіей заканчиваются судьбы міра, и не она одна призвана воплотить царство Божіе на землѣ, то правда и въ томъ, что „изъ всѣхъ выдвинувшихся на историческую очередь національныхъ индивидуальностей православная Россія представляется (не думаемъ, чтобы мы оболыщались) наиболѣе *пока* широкимъ историческимъ сосудомъ для вмѣщенія въ наибольшей полнотѣ жизненной христіанской истины“. Эта широта и многосторонность русскаго духа, по мнѣнію Аксакова, не требуетъ особенныхъ доказательствъ, такъ какъ хорошо и неоднократно подтверждалась ея громадными безкорыстными жертвами не только во имя единовѣрныхъ славянъ, но и ради европейскихъ интересовъ мира и равновѣсія. „Не объ однихъ славянахъ православныхъ была ея скорбная забота, не для ихъ только свободы лила она свою кровь, а для православныхъ вообще: не ей ли исключительно обязаны своей свободой Румыны и преимущественно—Греки?“ Въ православно-славянскомъ мірѣ, олицетворяемомъ Россіей и

ею созидаемомъ, „просторно и свободно“ для всѣхъ племенныхъ отличій, ибо Россія призываетъ всѣхъ „къ участию въ своемъ историческомъ жребіи, на совмѣстный съ нею общій трудъ жизни, просвѣщенія и культуры“ (678—681).

Полны глубокаго историческаго и современнаго смысла эти строки Аксакова, и не одними только словами представляются его утвержденія о широкомъ, всечелвѣческомъ значеніи нашего православно-славянскаго міра въ наши дни, когда на живомъ дѣлѣ отразилась наша широта и безконечная терпимость, наша всечеловѣческая, православная совѣсть, наше высокое безкорыстіе и великодушное уваженіе къ другимъ.

Намъ понятно послѣ этого чрезвычайное воодушевленіе и горячность, съ какою Аксаковъ отстаивалъ передъ своими противниками религіозное значеніе нашей войны 1877—1878 г.г. Рыцарски и геройски защищалъ Аксаковъ наше знамя съ начертаннымъ на немъ священнымъ завѣтомъ— „за православіе и православныхъ единоплеменниковъ“, убѣждая близорукихъ противниковъ религіозныхъ побужденій этой борьбы, что въ словахъ православіе и славянство заключается „самая основа той силы, которая рѣшаетъ побѣду“ (277). Эта война и предварившее ее добровольческое народное движеніе, по убѣжденію Аксакова, освятила и подняла Россію на недосыгаемую нравственную высоту, откуда она, при всей своей „неправдѣ черной“ (Хомяковъ), всякой мерзости своего быта, не оспариваемыхъ нами, явилась міру въ изумительномъ свѣтѣ и значеніи. Въ этой войнѣ, указанной народу не только Царемъ, но и его собственной совѣстью, вызванной его жаждой сразиться за Христа, за христіанъ православныхъ, Аксаковъ увидѣлъ радость народную „о раскрывшемся высокомъ призваніи Россіи, какъ православной и славянской державы, о чаемомъ исполненіи впервые сознаннымъ имъ историческаго долга, объ обрѣтеніи наконецъ праваго пути послѣ блужданій, объ обрѣтеніи цѣлаго міра братства“ (312—313).

Вмѣстѣ съ пожаромъ этой войны загорѣлось солнце нашего славянскаго сознанія, что „только православное Славянство призвано къ самостоятельной будущности и имѣетъ вселенско-историческое призваніе“ (565), что безъ

торжества нашихъ духовныхъ стихій „въ исконныхъ мѣстахъ ихъ пребыванія“, безъ освобожденія Православнаго Востока „Россія, какъ организмъ, лишенный свободнаго кровообращенія, осуждена была бы навсегда остаться увѣчною, калѣкою, недоноскомъ“. (274—275).

Въ восторженномъ созерцаніи Аксакова меркла заря на западѣ, и брезжила заря на востокѣ, гасли „последніе лучи древней славы и могущества Рима“, и выступала „изъ долгой ночи древняя слава и значеніе Царьграда“. (96) Это не было поэтической фантазіей, такъ какъ вся книга Аксакова и заключительныя ея строки, въ которыхъ онъ предостерегаетъ Россію противъ гибельныхъ противоестественныхъ сдѣлокъ съ германскимъ міромъ, говорятъ о рѣдкой трезвости и осмотрительности наблюдателя судебъ славянства, о глубокой прозорливости и чуткости славянскаго мыслителя. Последними словами его были: „не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары Русско-Славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами... А гроза близится“. (791).

Гроза эта въ самомъ разгарѣ. Вся земля сотрясается отъ ея громовъ, и всѣ концы ея охвачены пылающими молніями. За далью непогоды просвѣчиваетъ желанный день славянства, „вселенскій день и православный“.

В. Азбукинъ.

Изъ мѣстной церковно-общественной жизни.

Прибытіе Преосвященнаго Павла въ Елецъ.

23 октября с. г. прибылъ изъ Орла съ утреннимъ поѣздомъ въ Елецъ Преосвященный Павелъ, Епископъ Елецкій. Встрѣтить Владыку выѣзжали на ст. Елецъ городское духовенство во главѣ съ соборнымъ протоіереемъ П. И. Покровскимъ, Елецкій предводитель дворянства А. С. Бехтѣевъ, Елецкій городской голова Н. П. Ростовцевъ, Елецкій полиціймейстеръ С. В. Сченсовичъ и др. представители администраціи.

Въ вагонѣ городской голова привѣтствовалъ Владыку

краткимъ словомъ, приличнымъ случаю, а духовенство въ вокзалѣ поднесло хлѣбъ соль, по древнему христіанскому обычаю. Владыка благодарилъ за привѣтствіе всѣхъ, встрѣчавшихъ его Христовою любовію, и преподаль каждому святительское благословеніе. Съ вокзала Владыка отправился въ свой монастырь, какъ Настоятель его. Здѣсь братія во главѣ съ о. казначеемъ встрѣтила Владыку хлѣбомъ-солью. Въ монастырскомъ храмѣ была совершена обычная молитвенная встрѣча Епископа. По провозглашеніи установленнаго многолѣтія о. діакономъ, Владыка самъ возглашалъ многая лѣта братіи св. обители и присутствовавшимъ богомольцамъ и затѣмъ обратился съ краткимъ словомъ назиданія братіи о доброй иноческой жизни, о мирѣ между собой и послушаніи.

Къ 9 часамъ Владыка Павелъ, послѣ краткаго отдыха въ покояхъ настоятеля, прибылъ въ городской соборъ, гдѣ собралось все Елецкое духовенство въ золотистыхъ облаченіяхъ. При входѣ въ соборъ протоіерей П. И. Покровскій сказалъ привѣтствіе, выразивъ сыновнюю радость, по случаю прибытія Владыки и ожидаемаго совмѣстнаго служенія предъ Престоломъ Божиимъ и просилъ святительскаго руководства въ трудномъ дѣлѣ устроенія своего и вѣрующихъ спасенія, особенно нынѣ въ столь тяжелое время. Поблагодаривъ о. протоіерея за привѣтствіе, Владыка прошелъ ко Св. алтарю, выслушалъ краткое молебствіе съ возглашеніемъ обычнаго многолѣтія всему освященному собору и гражданамъ г. Ельца.

По совершеніи отпуста Владыка обратился съ рѣчью къ пастырямъ и народу, приглашая вѣрить назначенію его Промысломъ Божиимъ на святительскую кафедру въ Елецъ, ибо отъ Господа направляются стопы человѣку, вмѣстѣ съ нимъ молиться ко Господу, подателю всяческихъ благъ, и принять отъ него, какъ новопоставленнаго Епископа святительское благословеніе, обѣщая при предстоящихъ служеніяхъ въ храмахъ преподать болѣе пространное поученіе въ словѣ Божіемъ.

Въ соборномъ храмѣ присутствовали при встрѣчѣ Владыки всѣ учащіеся соборной двухклассной школы вмѣстѣ со своими учительницами; всѣмъ имъ, каждому поодиночкѣ, Владыка преподаль благословеніе.

Изъ собора Владыка отбылъ въ храмъ хоругвеносцевъ. Тамъ же Владыка посѣтилъ госпиталь раненыхъ воиновъ, учрежденный А. Н. Заусайловымъ.

Въ военномъ госпиталѣ въ зданіи духовной семинаріи.

Раненые и больные военного госпиталя въ духовной семинаріи, тѣ, которые могутъ ходить и стоять, усердно посѣщаютъ богослуженія въ семинарской церкви въ праздничные и воскресные дни. Для нихъ въ церкви отведена правая сторона, а воспитанники семинаріи занимаютъ во время богослуженія лѣвую сторону. Посѣщаютъ богослуженія и врачи и сестры милосердія православнаго исповѣданія. Воспитанники VI класса каждую службу говорятъ за литургією на евангельскія и апостольскія чтенія поученія, доступныя пониманію простаго народа, и слушатели весьма внимательно слушаютъ юныхъ проповѣдниковъ. Въ воскресенье, 26 октября, по окончаніи литургіи, хоръ пѣвчихъ воспитанниковъ семинаріи исполнилъ нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній на корридорѣ средняго этажа, въ которомъ помѣщаются раненые воины, чѣмъ собралъ вокругъ себя большое количество внимательныхъ слушателей. Такія выступленія пѣвчихъ семинарскаго хора будутъ продолжаться и въ слѣдующіе воскресные и праздничные дни, чему вполне сочувствуетъ и администрація госпиталя. Отъ поры—до времени ректоръ семинаріи и духовникъ, посѣщая раненыхъ, раздають имъ крестики, брошюры и листки религиозно-нравственнаго содержанія. Кромѣ того въ распоряженіе раненыхъ посылаются журналы религиозно-нравственнаго содержанія: Троицкіе листки, Кормчій, Воскресный День, Воскресный Благовѣсть, Духовная Бесѣда, Паломникъ и др. и газеты: Приходскій Листокъ, Орловская Жизнь, Орловскій Вѣстникъ (пожертв. свящ. Боголюбскимъ) Свѣтъ и др. Раненые охотно берутъ вручаемыя имъ брошюры и газеты и внимательно ихъ прочитываютъ.

Церковно-приходскія школы въ дѣлѣ помощи на нужды войны.

Церковно-приходскія школы г. Орла и Орловской епархіи всячески стараются придти на помощь нуждамъ войны. Сначала учительницы, старшія ученицы, ихъ матери и сестры готовили бѣлье для больныхъ и раненыхъ воиновъ въ мѣстные лазареты и госпитали, потомъ шили бумазейныя рубашки въ дѣйствующую армію для Губернскаго Дамскаго Комитета. Въ настоящее время по всей губерніи идетъ энергичная работа по изготовленію и собиранію теплыхъ вещей, которыя будутъ отправлены на передовыя позиціи.

Въ Болховскомъ, Дмитровскомъ, Карачевскомъ, Ливенскомъ и Мценскомъ уѣздахъ учителя и учительницы, по добровольному соглашенію, рѣшили дѣлать $\frac{1}{100}$ отчисленіе изъ своего жалованья.

Не ограничиваясь матеріальною помощью, учащіе и учащіеся церковно приходскихъ школъ г. Орла, съ разрѣшенія Его Преосвященства и при живомъ сочувствіи Епархіальнаго Комитета, задались цѣлью въ воскресные и праздничные дни доставлять посильное духовное утѣшеніе и разумное развлеченіе тѣмъ больнымъ и раненымъ воинамъ, которые находятся въ госпиталѣ Краснаго Креста имени Орловской епархіи при 1-мъ Духовномъ училищѣ. Починъ въ этомъ добромъ дѣлѣ взяла на себя Свято-Ольгинская двухклассная женская школа Введенскаго монастыря.

22-го октября, на праздникъ Казанской Божіей Матери, учительницы и дѣвочки изъ означенной школы явились въ Духовное Училище въ половинѣ второго часа по полудни, когда тамъ уже окончился обѣдъ, и въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, временно обращенномъ въ залъ, въ присутствіи администраціи, служебнаго персонала и 116 больныхъ, устроили духовно-литературно-вокальное „утро“. Последнее состояло изъ двухъ отдѣленій. Въ 1-мъ отдѣленіи хоръ умирительно и стройно пропѣлъ: „Заступнице усердная“, „Прейде сѣнь законная“, „Иже херувимы“, „Милость мира“, „Тебе поемъ“ и „Патріаршее“ многолѣтіе; а учительница г. Кудрявцева прочитала назидательный рассказъ: „Воинъ Царицы Небесной“. Во время антракта дѣвочки об-

ходили больныхъ и раненыхъ, ласково бесѣдовали съ ними и раздали имъ отъ себя по пакету съ конфектами и по булкѣ отъ Матушки Игуменіи Евѣаліи.

Во II-мъ отдѣленіи учительница г. Нарышкина прочитала рассказъ изъ военнаго быта: „Сергушка Кумачевъ“, Вѣнскаго; ученицы же художественно продекламировали въ лицахъ два рассказа Чехова: „Канитель“ и „Хирургія“; хоръ исполнилъ „Варягъ“, „Золотое сердце“, „Буря мглою“, „Гдѣ сладкій шопоть“, „Мы—славныя артистки“ и „Слався слався“. Утро закончилось народнымъ гимномъ, который воодушевленно и трижды былъ спѣтъ всѣми вмѣстѣ—исполнительницами и слушателями. Особенно сильное впечатлѣніе на аудиторію произвело все первое отдѣленіе программы, декламация и пѣніе дѣвочекъ во второмъ отдѣленіи. Больные и раненые войны забыли на-время про свои страданія и отдохнули душою въ новой и необычной атмосферѣ. Уходя, они горячо благодарили милыхъ и благовоспитанныхъ дѣвочекъ, ихъ учительницъ и устроителей „утра“—Епархіальнаго Наблюдателя А. И. Георгіевскаго и Смотрителя Духовнаго Училища Н. А. Павловскаго, а также просили передать благодарность Матушкѣ Игуменіи. Подобныя „утра“ предполагаются и дальше. Для этой цѣли время отъ времени будутъ приходить дѣти изъ другихъ церковно приходскихъ школъ г. Орла и ученики 1 го Духовнаго Училища. Изъ послѣднихъ, кромѣ хора и декламаторовъ, уже организуется струнный оркестръ.

23-го октября въ тотъ-же госпиталь пріѣхала учительница Бошинской второклассной женской школы Карачев. у., и раздала раненымъ изготовленные ученицами кисеты съ папиросами, а въ Епархіальный Училищный Совѣтъ представила полный наборъ носильнаго и постельнаго бѣлья и другихъ вещей на 20 человекъ.

О церковномъ чтеніи.

Нѣтъ нужды доказывать, что хорошее, выразительное чтеніе, какого бы рода оно ни было (церковное или свѣтское), производитъ на слушающихъ сильное впечатлѣніе. Касаясь

собственно церковнаго чтенія, мы должны, къ сожалѣнію, сказать, что хорошихъ церковныхъ чтецовъ не много: одинъ читаетъ тихо и невнятно, отчего вмѣсто словъ приходится слушать какіе-то неопредѣленные звуки; другой хотя читаетъ и громко, но безъ должныхъ удареній и остановокъ въ текстѣ, отчего смыслъ читаемаго трудно уловить; но не мало и такихъ чтецовъ, которые читаютъ церковный текстъ съ сильными драматическими и патетическими оттѣнками, странными и своеобразными повышеніями и пониженіями голоса.

Въ церковномъ чтеніи необходимо различать два элемента. Первый весьма важный и необходимый элементъ—голосъ хороший и довольно сильный. Всякое чтеніе, разумѣется, и церковное, предполагаетъ въ читающемъ голосъ, который необходимо развивать и беречь, какъ высокій даръ Божій. Извѣстно, что знаменитый греческій ораторъ Демосѳеевъ, лишенный отъ природы вышеозначеннаго свойства голоса, сумѣлъ долгими и настойчивыми упражненіями довести силу и свойство своего голоса до совершенства. Въ „Воспоминаніяхъ И. У. Палимпсестова объ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Тавричаскомъ“, говорится, между прочимъ, слѣдующее. Отпуская новооставленнаго діакона на мѣсто служенія, покойный святитель благословилъ его и сказалъ: „у тебя грудь хорошая, голосъ свѣжій и пріятный; не кури и не пей, и онъ (голосъ) надолго тебѣ послужитъ и будетъ служить знакомъ свѣжести и чистоты души твоей“ *). Эти слова покойнаго владыки исчерпываютъ собою то, что можно было бы порекомендовать относительно храненія и сбереженія голоса. Табакокуреніе, винопитіе и иныя плотскія удовольствія, особенно чрезмѣрныя, прежде всего поражаютъ проводникъ удовольствій—горло.

Второй элементъ настоящаго церковнаго чтенія, равносильный по своей важности и необходимости первому,—вѣрность и ясность чтенія, зависящая отъ навыка и продолжительнаго упражненія въ раздѣльномъ и громкомъ произношеніи читаемаго церковнаго текста, а, главное, въ сознательномъ отношеніи къ читаемому, соединенномъ съ извѣстною степенью церковной выразительности, которая должна имѣть свой предѣлъ, не смѣя выходить за него. Извѣстный педа-

*) Странникъ, 1888 г., апр., стр. 708.

гогъ г. Ильминскій такъ различаетъ чтеніе церковное отъ свѣтскаго или гражданскаго. «Русское чтеніе должно быть разумное, иногда и художественное; церковно-славянское чтеніе должно быть кромѣ сего благоговѣнное и умиленное. Русское чтеніе должно развивать человѣческія стороны души; церковно-славянское чтеніе должно воспитывать религіозное чувство». Знатокъ церковно-древняго пѣнія Д. Н. Соловьевъ говоритъ, что церковно-славянское чтеніе имѣетъ свои традиціонныя пріемы, свою манеру, свой характеръ и можетъ быть раздѣлено на два главные вида: чтеніе разсказное, употребляющееся при чтеніи синаксарей, житій святыхъ въ трапезахъ, и чтеніе собственно псалмодическое, распѣвное, употребляемое во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отличительными чертами церковнаго чтенія необходимо должно быть: пѣвучесть, благоговѣніе и умиленность, соединенная съ разумностію и религіознымъ настроеніемъ къ читаемому. Церковное чтеніе должно быть пѣвучимъ,—такое приняла и намъ передала начальная Христова Церковь. Церковное чтеніе должно быть благоговѣннымъ, во-первыхъ, потому, что оно совершается въ мѣстѣ обычнаго присутствія Божія во-вторыхъ, потому, что чтецы являются возносителями къ Богу мыслей и чувствъ всѣхъ молящихся во храмѣ. Церковное чтеніе должно быть умиленнымъ,—оно выражаетъ сознаніе нашего недостойства и ощущеніе божественной благодати и милосердія Господа, а также обращеніе грѣшной души отъ порока къ добродѣтели. Необходимы при умиленномъ чтеніи и разумное отношеніе, а также и искреннее религіозное настроеніе самихъ читающихъ. Приснопамятный высокопреосвященный Иннокентій говорилъ своему новопоставленному діакону, отслужившему у владыки на дому обѣдню: „я не могъ не замѣтить, что ты приготовился къ чтенію. И впредь положи себѣ за правило (непремѣнное) какъ бы ты твердо ни зналъ положеннаго Евангелія, но прочитай его и разъ, и два, а мало тебѣ знакомое—и того болѣе, пока божественныя слова не проникнутъ во всю глубину твоего сердца, до мозговъ костей твоихъ. А чтобы тебѣ читать съ должнымъ благоговѣніемъ и въ назиданіе предстоящихъ, во спасеніе душъ ихъ, помни и помни твердо, что ты читаешь передъ Богомъ, и

грѣшными твоими устами говоритъ Самъ Богъ. Прошу тебя именемъ Бога: запечатлѣй въ своей памяти послѣднія слова мои,—благовѣстникъ святаго Евангелія читаетъ въ храмѣ предъ Богомъ и устами Самого Бога»*)).

Да пронесутся эти глубокосодержательныя слова богомудраго іерарха отъ конецъ до конецъ широкаго православнаго русскаго царства, и да будетъ за нихъ хвально имя его отъ востока до запада!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Художественно-иконостасная мастерская Ивана Демьяновича ГОНЧАРЕНКО.

Принимаются заказы на иконостасы, кіоты, горнія мѣста, жертвенники съ рѣзьбой и позолотой, а также изъ натурального дерева: дубоваго, кипарисоваго и орѣховаго съ позолотой и безъ оной.

Отдѣлна стѣнь внутри храмовъ живописью и орнаментами по образцамъ выдающихся художниковъ.

Позолота главъ и крестовъ. Образа пишутся на деревѣ, цинкѣ и холстѣ.
Чеканка и эмалировка на деревѣ и цинкѣ.

Дмитровскъ, Орловской губ., соб. домъ.

*) Страникъ, 1889 г. апр.

С о д е р ж а н і е. 1. Историческая миссія Россіи на Балканахъ. 2. Россія и славянскій вопросъ 3. Изъ мѣстной церковно общественной жизни. 4. О церковномъ чтеніи. 5. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи

Протоіерей **В. Сахаровъ.**

Печатать дозволяется. Цензоръ, протоіерей **Т. Чижевъ.**

№ 44 сданъ на почту 4 ноября.

Орель. Электрическая Типографія Губ. Правленія.